

СОВЕТСКИЙ ВЕК

A stylized portrait of a man in a Soviet military uniform, wearing a peaked cap and smoking a pipe. The background is red.

**Пантелеймон
Пономаренко**

ПАРТИЗАНЫ

ЗАПИСКИ ПРЕЕМНИКА СТАЛИНА

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко

Партизаны. Записки преемника Сталина

Серия «Советский век»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70329229

*Партизаны. Записки преемника Сталина: ООО «Издательство
Родина»; 2023*

ISBN 978-5-00222-004-5

Аннотация

Имя Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко зачастую незаслуженно теряется на фоне других фигур из сталинского окружения. Знатоки истории Великой Отечественной войны могут вспомнить, что в 1942–1944 годах он возглавлял Центральный штаб партизанского движения – но вряд ли что-то еще. Однако существуют свидетельства того, что именно ему – секретарю ЦК КПСС и многолетнему руководителю Советской Белоруссии Сталин отводил роль своего преемника.

Смерть Вождя оборвала стремительный взлет Пономаренко. Пришедшие к власти соратники не могли простить партизанскому командиру стремительного возвышения. Последовало назначение на второстепенный пост министра культуры, а затем и вовсе почетная ссылка – Казахстан, Польша, Индия, Непал, Нидерланды, Австрия...

На мемуарах Пономаренко нет никаких грифов секретности, но тем не менее они долгое время были практически неизвестны общественности. Пришло время исправить эту ошибку.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Об авторе	6
П. К. Пономаренко. События моей жизни: воспоминания	12
В ЦК ВКП(б)	12
Линии на карте	25
Путь «из варяг в греки»	38
На декаде в Москве	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пантелеймон Пономаренко

Партизаны. Записки преемника Сталина

© Пономаренко П., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Об авторе

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко родился

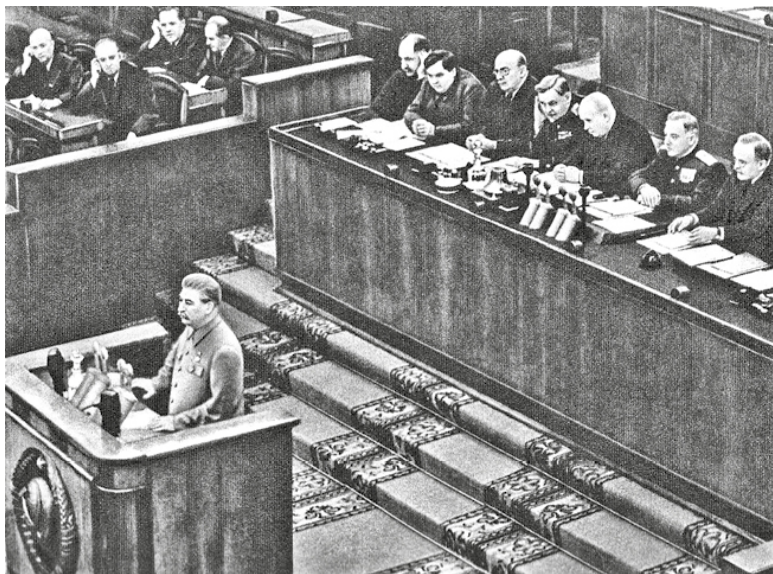
27 июля (9 августа) 1902 г. на хуторе Шелковский Белореченской волости Майкопского отдела Кубанской области в крестьянской семье. В 1914 г. поступил подмастерьем в швейную мастерскую. В 1918 г. призван в Красную Армию. Во время Гражданской войны участвовал в обороне Екатеринодара от частей Добровольческой армии. С 1919 г. работал на Северном Кавказе на нефтепромыслах, а затем на железнодорожном транспорте.

Он относится к числу того безмолвно большинства русских людей, для которых советская власть открыла путь к лучшему будущему. И молодой Пономаренко своего шанса не упустил. С 1922 г. на комсомольской работе. В 1925 г. вступил в РКП(б). В 1927 г. окончил Краснодарский рабфак, а в 1932 г. – Московский институт инженеров транспорта. После окончания института служил в Красной Армии. С 1936 г. инженер Всесоюзного энергетического института.

С этого периода и начинается повествование Пономаренко «События моей жизни». Именно тогда 34-летний коммунист и попал в обойму зарождающейся новой сталинской аристократии. В 1938 г. его переводят на партийную работу: инструктор, заместитель заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). И в 1938–1947 гг. – первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. С 1939 г. член ЦК ВКП(б); в сентябре 1939 г. – член Военного совета Белорусского Особого военного округа, принимал участие в руководстве войсками, вошедшими на территорию Западной Бело-

руссии.

После начала Великой Отечественной войны входил в военные советы ряда фронтов: с июля 1941 г. – Западного фронта, июль-август 1941 г. – Центрального фронта, октябрь 1941 г. – Брянского фронта, с декабря 1941 г. – член Военного Совета 3-й ударной армии Калининского фронта. 30 мая 1942 г. назначен начальником Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования. В марте 1943 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Под его началом ЦШПД непосредственно руководил подчинёнными штабами партизанского движения и партизанскими формированиями, подготавливал и проводил крупные партизанские операции («Рельсовая война», «Концерт» и др.), обеспечивал взаимодействие партизанских сил и объединений Красной Армии, обобщал и распространял боевой опыт, организовывал подготовку командных кадров и специалистов для партизанский формирований.

Сталин на своем последнем съезде

После упразднения ЦШПД в январе 1944 г. – Председатель Совета Народных Комиссаров (с 1946 г. Совет Министров) Белорусской ССР. С июля 1948 г. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно с октября 1950 по декабрь 1952 г. – министр заготовок СССР.

Новые перспективы перед Пономаренко открылись после XIX съезда партии. Именно тогда он был избран членом Президиума ЦК. На последовавшем за съездом Пленуме ЦК 16 октября 1952 года, Сталин обрушился с жесткой крити-

кой на своих давних соратников – Молотова и Микояна. И под занавес выступления объявил, что уходит с обоих своих постов – Генерального секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР.

Как известно, членам ЦК во главе с Берия удалось его отговорить – но лишь на словах. Много лет спустя министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов рассказывал, что в то время Сталин уже инициировал процедуру назначения нового председателя Совета Министров СССР. И эта должность предназначалась именно Пономаренко. Постановление уже завизировала часть Президиума, но остальные тянули время, дожидаясь смерти Вождя.

Увы, документальных подтверждений словам Бенедиктова нет. Постановление, если оно и существовало, после рокового дня 5 марта 1953 года исчезло бесследно. Но, так или иначе, места в новой власти для выдвиженца Сталина не нашлось. Он был снят с поста секретаря ЦК и переведен из членов в кандидаты в члены Президиума. В 1953–1954 гг. – министр культуры СССР. С февраля 1954 г. первый секретарь ЦК КП Казахстана. Как один из убежденных сталинистов не пользовался доверием Н. С. Хрущева и в 1955 г. переведен должность Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Польше.

В феврале 1956 г. выведен из состава Президиума ЦК, а в 1961 г. уже не избран в ЦК. В дальнейшем занимал посты посла СССР в Индии и Непале (1957–1959), Нидерландах

(1959–1961). В 1961–1962 гг. – представитель СССР в Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене. С 1962 г. преподаватель Института общественных наук при ЦК КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета СССР (1940–1958), членом Президиума Верховного Совета СССР (1941–1951, 1954–1958). С 1978 г. персональный пенсионер союзного значения. Умер 18 января 1984 г. в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Награжден: 4 орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Суворова I степени, Отечественной войны I степени, «Знак Почета», польским орденом Грюнвальдский крест.

П. К. Пономаренко. События моей жизни: воспоминания

В ЦК ВКП(б)

Весной 1937-го года меня неожиданно вызвали в Московский комитет партии. Я был принят Хрущевым и Брежневым. После расспросов о работе в парторганизации Всесоюзного научно-исследовательского института им. В. И. Ленина, где я заведовал спецлабораторией и был секретарем парткома института, Хрущев спросил меня: «Что бы вы ответили, если бы мы предложили вам перейти на работу в Московский комитет партии?» Я сказал, что считаю такое предложение высокой для себя честью и рад оказываемому доверию. Единственно, что заставляет подумать, прежде чем дать ответ, то, что тема моей работы в институте утверждена наркомом обороны по управлению военных изобретений, и мне, конечно, хочется довести ее до конца.

По их просьбе я обстоятельно рассказал об этой работе, и они решили отложить вопрос о переходе в МК до ее окончания.

Осенью этого же года меня, как секретаря парткома, вызвали в ЦК ВКП(б) к инструктору отдела руководящих парт-

органов Чуянову – со списком членов парторганизации института.

Отправляясь в ЦК, я думал: «Не тот ли это Чуянов, Алексей Семенович, с которым я знаком по комсомольской работе на Кубани, в двадцатых годах?»

Так и оказалось.

Вот как он описывает мое первое появление в ЦК ВКП(б): «Знакомясь с кадрами Московского электротехнического института, я обнаружил, что на посту секретаря парткома этого института работает П. К. Пономаренко, кажется, знакомый по Кореновскому району товарищ, вместе работали. Пригласил его для знакомства и не ошибся.

Это был Пантелей Пономаренко, с Кубани, теперь научный сотрудник института и секретарь парткома. Вспомнили дела и дни кубанских комсомольцев, работу среди казачьей молодежи. Я не отпустил Пантелея из ЦК, решил его показать руководству. М. А. Бурмистренко заинтересовался им, представил секретарю ЦК А. А. Андрееву и рекомендовал использовать П. К. Пономаренко на работе в ЦК. Предложение было принято».

М. А. Бурмистренко тогда был заместителем заведующего отделом руководящих парторганов (ОРПО), затем – второй секретарь ЦК КП Украины. В 1941 году погиб в боях с немецкими фашистами.

В подборе кадров в аппарат ЦК, в республиканские, краевые и областные органы в ту пору был сделан крен в сторо-

ну молодежи – с образованием и хотя бы небольшим опытом работы на местах. Сам Чуянов вскоре уехал в Сталинградскую область – занял пост первого секретаря обкома ВКП(б). В годы войны он был членом военного совета Сталинградского фронта, председателем городского комитета обороны Сталинграда. Умер 30 ноября 1977 года. Похоронен на Мамаевом Кургане.

Итак, я стал инструктором отдела руководящих органов ЦК ВКП(б). Помощник заведующего отделом Конкин привел меня в комнату 417 на четвертом этаже, назвал номер моего телефона – 21–00–и сказал, что я буду заниматься Челябинской и Свердловской областями, а также Новосибирским и Алтайским краями. И ушел. Кроме меня в комнате уже работали инструкторы – Дубровский, Алтуфьев и Герцман, старый член партии.

Поздоровался, сел за стол. Начинался тот изначальный томительный период, когда не знаешь, в чем твои обязанности, за что браться, что делать. А вокруг кипит работа, никто и минуты не сидит без дела: инструкторы беседуют с посетителями, составляют какие-то бумаги, несут их в печать, исправляют, отсылают куда-то, звонят по телефону, им тоже много звонят, даже из других городов, – идут деловые телефонные разговоры и так с утра до ночи, с небольшим перерывом на обед. А вот ко мне никто не звонит, не приходит.

Так продолжалось несколько дней. Меня охватила тоска. Но, оказывается, за мной внимательно наблюдал старик

Герцман. Он немало повидал на своем веку таких, как я, и многим помог войти в дело, или, как он говорил, «начать жить на своем месте».

К концу третьего дня моих мучений Герцман подошел ко мне и спросил: «Скажите, пожалуйста, по каким областям вы работаете?» Я ответил. «Очень интересные области, – заметил Герцман, – я там когда-то бывал. Не знаю, кто теперь руководит ими. Вот у меня на днях был неприятный случай. Вызывает меня Андрей Андреевич и спрашивает, кто работает секретарем Самаркандского горкома. Я веду республики Средней Азии, а – не знаю. Так было неприятно».

И – отошел от стола.

Тут уже я поднялся и подошел к нему: «А как же узнать, кто там работает?» Герцман ответил: «Очень просто. У нас есть архив личных дел. Любое из них вам дадут по вашему удостоверению. По личным делам вы можете получить первое представление о руководящих работниках. Позже поездки, встречи, наблюдения за жизнью организаций дополнят его, создадут у вас свое мнение».

Герцман сел на свое место, а я пошел искать архив...

Целых две недели я читал личные дела секретарей, членов бюро обкома и крайкомов, делал заметки и выписки, готовил списки, составлял для себя, справочник и т. д. Потом я еще ознакомился с личными делами секретарей райкомов, но... всему бывает конец. Думаю: что же дальше? Герцман опять подходит и уже как со старым знакомым делится неприятно-

стями. Вызвал, говорит, Андрей Андреевич и спрашивает, знаком ли я с одним неверным постановлением Андижанского горкома. Оказывается, я не был с ним знаком; из-за этого поста новление не было отменено в течение трех месяцев. Очень было неприятно.

Меня охватила тревога. Я ведь вообще ни одного постановления еще не видел и не читал. Спрашиваю Герцмана: «А как же с ними познакомиться, с этими постановлениями?» Герцман отвечает, что постановления обкомов и крайкомов присылаются в ЦК, хранятся в архиве, их тоже можно получить по удостоверению.

Я тут же отправился за протоколами, и этого дела хватило мне надолго. Раньше я нигде не читал протоколов и постановлений руководящих партийных органов. Они касались всех вопросов жизни и работы и были бесконечно интересны.

Перед глазами как бы в каком-то концентрированном отражении проходили дела партийных организаций, жизнь областей. Не все я еще понимал должным образом, но уже входил в мир более широких представлений. Надо было все это узнать.

И все же все это были только постановления. Они, конечно, отражали и жизнь, и работу, но, оторванные от условий, в которых возникали, были не всегда понятны и, главное, свидетельствовали об уже происшедших событиях. Их верность могла быть проверена только жизнью.

Как-то, вспоминая, попадаете на глаза неверное, на мой взгляд, решение Пермского горкома, входившего тогда в Свердловскую область. Делюсь с Герцманом, он возмущается, советует позвонить секретарю Пермского горкома. Заказываю разговор, меня соединяют, я извиняюсь и говорю, что, по моему мнению, горнком принял неверное решение, читаю это решение. Секретарь в волнении, звонок ведь из ЦК. Говорит, обсудим, решение, мол, действительно неверное.

Разговор окончен, я пишу руководству информацию о принятых мерах. На другой день, в первый раз, зазвонил и мой телефон, и секретарь Пермского горкома сообщил, что бюро горкома отменило неверное решение.

Через месяц у меня уже было полно дел. Вопросы, телефонные звонки. Одним словом, пришла и ко мне та необходимая часть дела, без которой не обойтись, которая, если заниматься только ею, может оторвать от самого главного — общения с жизнью и живыми людьми.

Умный и наблюдательный Герцман, добрая душа, он ведь выдумывал для меня свои неприятности, он хотел помочь мне включиться в работу. И он добился своего.

В начале 1938 года Герцман слег в больницу и уже не вышел оттуда. На его место пришел другой инструктор. Я с интересом наблюдал, как он томился, не зная, за что взяться, с какой завистью смотрел на нас, непрерывно занимающихся делом.

Я подошел к нему, спросил: «По каким областям вы работаете?» Ответил. «Да, — заметил я, — у меня вчера была неприятность. Вызывают к Андрею Андреевичу и спрашивают» и т. д. Одним словом, обучение по Герцману. Смотрю, товарищ срочно отправляется в архив, а через полчаса возвращается с кипой личных дел.

В ходе работы я заметил, что к инструкторам ЦК, в том числе и ко мне, работники местных парторганов, приехавшие по делам в Москву, заходили чрезвычайно редко, а первые секретари обкомов и вовсе не заходили. Со своими делами они шли к заведующим отделами или секретарям ЦК. Им казалось: какие могут быть вопросы к инструкторам ЦК, курировавшим их области! Но у нас были к ним вопросы, причем не только по партийной, но и по хозяйственной работе. Вначале казалось, что нет способа заставить их заходить к нам. Однако это было не так. Способ был. Надо было только так наладить работу, чтобы секретари обкомов почувствовали, что мы им нужны.

Подготовив некоторые материалы по Свердловской области и узнав день приезда секретаря обкома Столяра, я стал ждать его в коридоре, по которому он должен был проходить к кабинету заведующего отделом, Г. М. Маленкова. Дождавшись, я остановил его, представился и попросил зайти ко мне минут на десять. Выслушав меня, он ответил, что ему назначен прием у заведующего отделом. От него он зайдет ко мне. Но... так и не зашел.

В следующий приезд я опять его встретил и все повторилось, но теперь я остался ждать его в коридоре. Когда он вышел из кабинета заведующего отделом и увидел меня, ему ничего не оставалось, как зайти ко мне. Мы сели за стол.

– Что у вас ко мне? – спросил Столяр.

– У меня к вам несколько вопросов. Первый. Читая протоколы заседаний райкомов и горкома партии, я убедился: у вас в обкоме инструкторы не читают партийных документов нижестоящих органов и не информируют вас, когда это требует дело.

Столяр неожиданно встал и стал возбужденно говорить, что у него огромная промышленность, один «Уралмаш» чего стоит, что он отвечает за сельское хозяйство, транспорт, а я всматриваюсь в какие-то там протоколы.

– Не стоило вам меня из-за этого звать к себе.

– Ошибаетесь, товарищ Столяр, – ответил я ему, – напрасно вы организационно-партийную работу считаете пустяком. Есть ли у вас гарантия, что на местах в ряде случаев принимаются правильные решения? Ведь у вас в обкоме протоколы не читают.

– Это надо доказать, – сказал Столяр.

– Что ж, вот вам решения Пермского горкома по набору рабочей силы на заводе №..., прочитайте.

Столяр прочел и говорит: «Да это же абсурд!» Я заметил, что этот, как он выразился, «абсурд» не единичен. Посмотрите, говорю, вот еще два решения, из которых одно следу-

ет отменить, а другое поправить. По их поводу я звонил в отдел обкома, мне пообещали исправить, но ничего не сделали. Относительно постановления Пермского горкома я тоже сообщил секретарю Пермского горкома. Через два дня он позвонил, что оно отменено как неправильное. Однако же мы считаем не совсем правильным действовать помимо обкома. В таких случаях нам ничего не остается, как вносить предложения об их отмене в секретариат ЦК. Вот проект такого постановления в отношении Пермского горкома. Я не внес его в секретариат, потому что...

Секретарь обкома сразу перешел на другой тон. Он попросил у меня копии двух таких постановлений, сказал, что в обкоме займутся этим и даже спросил, есть ли у меня что-нибудь к нему.

Далее беседа проходила вполне лояльно. В другой раз мне уже не надо было ловить Столяра в коридоре, он сам, бывая в Москве, заходил ко мне на 20–30 минут и уже безо всякого предупреждения весело спрашивал, что у меня к ним.

Так же примерно завязались отношения с секретарями Челябинской и Новосибирской областей, Алтайского края. С моей стороны они почувствовали стремление оказать им деловую помощь, и по необходимости то ли я звонил им, то ли они.

Зам. завотделом руководящих парторганов Донской, заменивший уехавшего на Украину Бурмистренко, предложил мне выступить на совещании инструкторов отдела с сооб-

щением – «Из опыта установления деловых связей с руководителями обкомов партии». Ихтиолог по образованию, Донской был человеком всесторонне образованным, редактировал доклады и деловые бумаги, которые составляли инструкции. Некоторые из них приходилось переделывать по четыре-пять раз. Однажды, когда я принес ему записку о том, что Челябинский обком допускает медлительность в реализации решения январского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б), он не вчитываясь, посмотрел на записку и бросил: «Поправьте некоторые места и – заносите». Второй раз он заметил, что, дескать, уже лучше, но велел посмотреть еще. В третий раз он одобрил записку окончательно, не внося в нее никаких исправлений.

Особенно много было работы с заявлениями на неправильное исключение из рядов партии. Эти заявления никогда не пересылались тем органам, которые исключали или наказывали жалующегося. В те дни, после январского пленума ЦК ВКП(б), партийные организации и аппарат ЦК ВКП(б) восстановили в партии многих честных, преданных ей людей. Было разоблачено немало клеветников и тонко замаскированных врагов партии, прикрывающих свою преступную деятельность партийным билетом.

Однако в ряде организаций такая работа не проводилась. Наиболее неблагоприятно было положение в Челябинской области. На основе проверенных заявлений и материалов я написал статью – «Клеветники остаются безнаказанными»

в которой привел конкретные факты недопустимого отношения к исправлению ошибок, в результате чего клеветники «еще более наглеют в применении своего ядовитого оружия против честных членов партии». В заключение я писал, что «Челябинский обком должен прекратить медлительность и неповоротливость в разъяснении и осуществлении партийными организациями в области решений пленума ЦК ВКП(б), Челябинский обком должен обеспечить выполнение решений пленума ЦК ВКП(б) о снятии с постов и привлечении к ответственности тех партийных руководителей, которые не выполняют директив ЦК ВКП(б), исключают из партии членов и кандидатов ВКП(б) без тщательной проверки всех материалов, допуская произвол по отношению к членам партии». Статья была напечатана в журнале ЦК ВКП(б) «Партийное строительство» (№ 6 от 15 марта 1938 г.).

Это была первая моя политическая, публицистическая работа.

В марте 1938 года я был назначен заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов, и кроме областей, которые я уже курировал, мне были добавлены Азербайджан и Грузия.

В то время многих инструкторов и зам. завотделами направляли на руководящую работу в области и республики. Однажды меня вызвал Маленков. Вместе с Донским они рассматривали огромную карту Мурманской области, испещренную множеством различных условных знаков.

Донской обратился ко мне: «Смотри внимательно: какой богатый и перспективный край, какие нетронутые богатства! А рыбы! Если как следует наладить промысел, ее хватит на всю страну!» И неожиданно спросил: «Не хочешь туда, поехать секретарем обкома партии?»

Меня, как инженера по специальности, не тянуло к рыбе. Я ответил, что на этот пост надо сыскать человека, знающего толк в рыбе, что у нас такие люди есть. «Кто, например?» спросил Маленков. «Да взять хотя бы Донского. Он специалист-ихтиолог, не говоря уже о его партийном опыте».

Они переглянулись, и Донской сказал: «Тогда оставим этот вопрос».

Между тем я сделал вывод, вскоре подтвердившийся, что встает вопрос о назначении меня в одну из областей, на руководящую партийную работу. И правда, вскоре меня вызвал к себе А. А. Андреев. На столе у него лежала только что вышедшая из печати моя книга (в соавторстве с В. А. Раковым) – «Электровоз». Как бывшего наркома путей сообщения, она заинтересовала его, и, расспросив о моей прошлой работе, он сказал: «Собирайтесь, поедете со мной в Белоруссию, отъезд вечерним поездом 17 июня», – «Хорошо», – сказал я. Поездки в области и республики работников ЦК вместе с руководителями были обычным делом, мне и в голову не могло прийти, что я могу остаться там работать.

Приехали мы в Минск в воскресенье 18 июня. Нас встретил первый секретарь ЦК КП (б) Белоруссии А. А. Волков.

Оказалось, что съезд уже закончил работу. Новый состав ЦК и ревизионная комиссия избраны, но объявление результата голосования отложено до вечернего заседания.

Вечером на этом заседании с короткой речью выступил А. А. Андреев. Он сказал: «Центральный комитет ВКП(б) считает, что Волков не справляется со своими обязанностями. Товарищ Волков человек честный, ему не предъявляется никаких обвинений, но ЦК считает необходимым его заметить. ЦК ВКП(б) рекомендует вам ввести в состав ЦК партии Белоруссии товарища Пономаренко П. К., молодого работника, хорошо зарекомендовавшего себя на работе в отделе руководящих парторганов ЦК ВКП(б). Если есть к нему вопросы, он на них ответит».

Меня попросили рассказать автобиографию, что я и сделал. После открытым голосованием меня ввели в состав ЦК КП (б) Б. На другой день, 19 июня, на организационном пленуме ЦК было избрано бюро ЦК в составе А. А. Ананьева, Ф. И. Голикова, А. Ф. Ковалева, А. М. Левицкого, Н. Я. Натолевича, П. К. Пономаренко и М. Я. Репинского. Меня избрали первым секретарем ЦК КП (б) Б...

Линии на карте

Что из себя представляла Белоруссия? Была она богата болотами и заболоченными землями. Они занимали третью часть всей ее площади, а в центральных районах Полесской низменности ими было покрыто более двух третей земли. В прошлом болота – источник бедности и нищеты, болезни и бездорожья.

Между тем мелиорированные участки по содержанию азота превосходили плодородные черноземы Кубани и Украины, и в ЦК ВКП(б) и правительстве не раз обещали внимание белорусского руководства на важность мелиоративных работ. На одном из заседаний Политбюро И. В. Сталин указал на мелиорацию как на одну из основных проблем в сельском хозяйстве Белоруссии. Он сказал, что «болота надо осушить и освоить, даже если бы на них пришлось вырубить леса, но так, чтобы не изменить режим рек, чтобы они не обмелели».

Я ответил, что мы всячески поощряем колхозы, проводящие осушение и освоение болот, что приступили даже к разработке перспективного плана мелиорации, особенно Полесья. Он предусматривает проведение некоторых посильных для отдельных колхозов работ (например, строительство каналов) путем кооперирования и оказания государственной помощи. Что, мол, до режима рек, связанного с неизбежной

при мелиорации вырубкой лесов на мелиорируемых и осваиваемых землях, то осушение болот и заболоченных земель создает благоприятные условия для интенсивного роста леса. На осушенных болотах и заболоченных землях он растет в 4–5 раз быстрее, чем на болотах. Болотистое мелколесье сравнительно быстро превращается в густые леса, богатые ценными породами: сосной, дубом, ясенем, ольхой и другими.

И. В. Сталин сказал, что это очень важный фактор и если это действительно так, дело надо двигать быстрее. «Мы, – сказал, – окажем необходимую помощь». Опираясь на эту поддержку, а также на то, что колхозы, уже осушившие и освоившие известное количество болотных земель, получали хорошие урожаи, мы усилили ход мелиоративных работ, изыскания и разработки общего плана мелиорации.

В Любанском районе Минской области на осушенных болотах вырос колхоз имени Белорусского военного округа. Колхоз освоил 1500 гектаров болот. За три предвоенных года, несмотря на то, что еще только накапливался агротехнический опыт ведения хозяйства на этих землях, колхоз получил урожай зерновых в среднем 15 центнеров, сена и трав – по 40 центнеров с гектара.

Колхоз «Красный Октябрь» этого же района осушил 334 гектара болот и получил на них в 1940 году урожай ячменя по 23, сеяных трав – по 65 центнеров с гектара.

В 1940 году, одоблив инициативу колхозов и колхозников,

партийных и советских органов Белоруссии, ЦК КПБ и правительство внесли в ЦК ВКП(б) и правительство СССР общий план мелиорации. Совнарком Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) 6 марта 1941 года приняли решение об осушении болот Белорусской ССР и использовании осушенных земель колхозами для расширения посевных площадей и сенокосов. Планировалось в ближайшие 15 лет в бассейнах Западной Двины, Днепра, Сожа, Немана и Припяти, включая пинские болота, осушить и освоить четыре миллиона гектаров болот и заболоченных земель.

К началу войны в республике было осушено 270 000 гектаров. Война на несколько лет отодвинула эту работу.

Пономаренко в только что вошедшем в состав БССР Белостоке, 1939 год

Вскоре после моего приезда в Белоруссию, в первой половине 1938 года, мне доложили, что со мной хотел бы встретиться профессор А. М. Розин, геолог. Я вызвал заместителя заведующего отделом ЦК и попросил его выяснить, с чем он хочет ко мне прийти. Зам. заведомом сказал, что знает, зачем он ко мне идет. Розин несколько лет уже носит с маниакальной идеей, заключающейся в том, что южных областях Белоруссии имеются месторождения каменной соли и нефти, что его этом не поддерживает большинство геологов. Он обил пороги многих учреждений, был у председателя Совнаркома Голодеда, в Госплане и нигде не нашел поддержки.

Я вызвал нескольких известных мне геологов и сведущих работников Госплана БССР. Они выразили такую же отрицательную точку зрения в отношении работ профессора Розина. Лишь начальник Белорусского геологического управления З.А. Горелик настойчиво советовал мне принять профессора Розина. Горелик и некоторые другие геологи с большим опытом сказали, что утверждение Розина о залегании каменных солей и нефтеносности недр южных районов Белоруссии основаны на глубоком анализе всех имеющихся геологических данных. Теоретики, выступающие против Розина, основываются не на научном подходе, а на примитивных воззрениях, сводящихся к тому, что под белорусскими торфяниками

невозможно найти какие-либо полезные ископаемые. Но это опровергается работами профессора как геолога, нашедшего залежи фосфоритов в верховьях реки Соть, залежей доломитов в районе Дараганово.

Я принял Розина. Он пришел ко мне со всеми своими работами и свитком чертежей и схем. Он не знал о моих предварительных беседах по его идеям и поздоровавшись, чрезвычайно волнуясь, сказал: «Если вам не сказали еще, что я сумасшедший и хожу в плену у маниакальной идеи, то наверняка вы об этом услышите. Я добивался вашего приема, чтобы рассказать вам, как новому руководителю и непредубежденному человеку, о некоторых, имеющих важнейшее значение вопросах разведки полезных ископаемых. Скажите, сколько я имею времени, чтобы изложить свои вопросы?»

Я постарался успокоить его, попросил не беспокоиться о времени. И он много чего рассказал мне об истории геолого-поисковых работ в Белоруссии, особенно в 1930 году, когда они проходили при скудных средствах. Бурение, например, проводили ручным способом до глубины 40–50 метров. Проводившиеся в 1937–38 гг. по инициативе Розина маршрутные геологические исследования, обобщение ранее накопленных материалов (А. М. Розин, З. А. Горелик, А. П. Авкентьев, Г. В. Богомоллов) на соленосность и нефтеносность позволили сделать вывод, что южные районы БССР, являясь продолжением Днепровско-Донецкой впадины, имеют соленосные и нефтеносные отклонения. Эти вы-

воды можно было подтвердить только глубоким бурением.

То, что изложил профессор, произвело на меня сильное впечатление. Я рассказал о беседе членам бюро ЦК. Было решено поддержать Розина и группу названных геологов. Благодаря нашему вмешательству было получено буровое оборудование. Первую скважину заложили вблизи деревни Давидовка бывшего Домановичского района. В конце 1940 года, на глубине 844 метров была обнаружена вершина соляного купола. До 1010 метров бур шел в слое соли.

Вскоре после освобождения Западной Украины и Белоруссии возник вопрос об административной границе между этими освобожденными областями. Согласно постановлению Верховного Совета СССР от 1-го ноября 1939 года, Верховный Совет Украинской ССР должен был представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения западных районов и областей между Украинской ССР и Белорусской ССР. То же поручалось и Верховному Совету БССР.

Я не думал, что в этом деле могли возникнуть какие-либо осложнения. Этнографическая граница была довольно ясной, она шла с востока на запад несколько южнее Пинска, Кобрина и Бреста. Эта граница между Украиной и Белоруссией или, вернее, освобожденными западными областями этих республик должна была быть утверждена высшими органами СССР.

Как-то осенью 1939 года из оргинструкторского отдела

ЦК мне сообщили, что Н. С. Хрущев¹ уже подготовил и внес в ЦК свои предложения о границе для внесения их на утверждение в ЦК ВКП(б), а от ЦК Белоруссии предложений не поступило. Я сказал, что если Хрущев разработал и внес эти предложения значит, нужны и наши, чтобы затем принять общее решение. Работник ВКП(б) отметил, что можно, конечно, поступить и так, но ЦК Белоруссии должен хотя бы представлять, что это за предложения, поэтому он пошлет их нам для ознакомления. Через день мы их получили.

Проект Хрущева о границах нас всех просто ошеломил, и в этот же день было созвано заседание бюро ЦК, чтобы обсудить его, выработать к нему свое отношение и подготовить контрпредложения.

Согласно подготовленному проекту, граница между западными областями должна была пройти значительно севернее естественной этнографической, как ее принято было считать, настолько севернее, что Брест и Пружаны, Пинск и Столин, Кобрин и Лунинец, так же, как и большая часть Беловежской пуши, должны были уйти к Украине.

Мы с этим согласиться не могли – стали готовить свои предложения и обоснования.

Пришлось изучить обширный исторический материал: статистику населения по переписям, производившимся в дореволюционной России и Польше, данные польских архивов

¹ В это время Н. С. Хрущев работал уже первым секретарем ЦК компартии Украины.

(пусть и не весьма точные в отношении национального состава населения, были они все-таки беспристрастны).

Наконец предложения и обоснования были разработаны, схемы изготовлены, мы почувствовали себя готовыми выступить по этому вопросу в ЦК ВКП(б).

22 ноября 1939 года мне было велено прибыть в Москву. В тот же день я был вызван к И. В. Сталину. Когда я вошел в его приемную в Кремле, там уже был Н. С. Хрущев, тоже с материалами и схемами. Он беседовал с помощником Сталина А. Н. Поскребышевым. И вот здесь, перед приемом, между мной и Хрущевым произошел драматический инцидент, определивший отношение Хрущева ко мне на долгие годы.

После того как я поздоровался, Хрущев спросил, подготовили ли мы свои предложения и в чем их суть. Как можно деликатнее я сказал, что мы подготовили предложения, но они не совпадают с теми, которые предлагает он.

Далее я пояснил, что мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим уставом населения и что граница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лунинца, Кобрин, Барановичей и Бреста, так, чтобы эти города, включая и Беловежскую пушу, остались в составе Советской Белоруссии.

Хрущев вскипел и грубо спросил: «Кто вам состряпал эту чепуху, чем вы это можете обосновать?» Я ответил, что предложения, которые мы вносим, составил ЦК КПБ, и мы не

считаем их чепухой и готовы привести обоснования на основе статистики и истории. Хрущев, в свою очередь, заявил, что украинские ученые имеют другую точку зрения, и высказал свои наметки границы. На это я заметил, что, мол, трудно предположить, чтобы их ученые могли обосновать такую границу, противоречащую понятиям этнографии, статистики и истории. Хрущев рассвирепел и стал кричать: «Ага, вы ученым не верите! Вы что, больше других знаете? А слышали ли вы о том, что, начиная со средних веков, на территориях, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцы, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие включали население этих территорий в свои войска, что исторические книги вовсе и не упоминают в связи с этими районами белорусов» и т. д. и т. п.

Я сказал, что меня беспокоит тон, каким он со мной разговаривает. Это ведь не наш личный вопрос. Если даже вопреки нашим предложениям эти районы включают в состав Украины, то ведь Украина советская, людям там будет неплохо. Однако я обязан защищать интересы Белоруссии и у меня есть для этого обоснованные данные.

В этот момент нас позвали к Сталину. Он сидел в кабинете один и на наше приветствие ответил: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали войну? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?»

Потом предложил сесть и доложить свои варианты. Мы, то есть Хрущев и я, вытащили схемы, собираясь объяснить

СВОИ ПОЗИЦИИ.

Н. С. Хрущев

Первым докладывал Н. С. Хрущев. Он развернул на столе схемы, но, рассказывая, ни разу на них не сослался.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на схеме, где пройдет граница.

Затем доложил я. Задав ряд вопросов, Сталин заявил: «Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема, ничем не обоснована. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская пуца являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезнут. Это была бы плохая национальная политика».

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: «Скажите прямо, наверное, вы, выдвигая эти предложения, имели в виду другое; вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много».

На это Хрущев ответил: «Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало».

Это другое дело, – заметил Сталин, – это можно учесть. Белоруссия, – сказал он далее, – предлагает правильную, обоснованную границу. Объективность их предложения подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширская отнести к Украине. Мы утвердим границу, в основном совпадающую с предложени-

ем т. Пономаренко, с поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса».

Он взял карту и прочертил линию границы, совпадающую с нашим предложением, но в одном месте сделал на зеленом массиве карты выгиб к северу и сказал: «Пусть этот район отойдет к Украине».

Н. С. Хрущев согласился, я тоже был доволен таким решением вопроса. После этого И. В. Сталин пригласил Хрущева и меня к себе обедать. По лицу, по настроению Никиты Сергеевича чувствовалось, что он остался недоволен таким исходом и эту историю надолго запомнит. Я не ошибся.

Путь «из варяг в греки»

На заседаниях в ЦК ВКП(б), во время частных бесед за обедом или ужином у Сталина в 1939 году стали проскальзывать мысли о желательном соединении Черного и Балтийского морей водной артерией.

Действительно, еще Петр Великий соединил шлюзами верховья Березины с Двиной и таким образом получил водный путь из Черного моря в Балтийское через Днепр – Березину, Двину. Существовали остатки и Днепро-Неманской водной системы, построенной тоже в петровское время. Она соединяла Черное и Балтийское моря через Днепр, Припять, Выгоновское озеро, реку Щару, Нёман.

В середине 1940 года в Белоруссию прибыл известный гидротехник Скачков. Следом вскоре пришло постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О восстановлении Березинского водного пути, соединяющего Черное и Балтийское моря».

На Совнарком и ЦК Белоруссии возлагалось наблюдение за строительством, обеспечение рабочей силой, местными материалами и т. д.

Естественно, нас заинтересовал объем строительства, его характер, особенно то, какое экономическое значение будет иметь этот путь для развития народного хозяйства Белоруссии.

Пришлось изучать историю строительства Березинской системы, ознакомиться с проектами других соединительных путей. Было проведено несколько совещаний с местными и приезжими специалистами.

Потом я, хоть и с большим трудом, проехал по Березине от ее впадения в Днепр и до Двины, через Березинский канал, съездил на Щару и Выгоновское озеро, наконец, по литературе определил, где точно осуществлялся переход из Днепра в Двину варягами, греками и другими на пути «из варяг в греки». Постепенно вырисовалась сравнительная картина значения этих путей, я убедился: предлагавшие обновленный водный путь не учитывали некоторых важных факторов, вариант получался необоснованным ни в хозяйственном, ни в военном отношении.

После долгих размышлений в начале сентября 1940 года я послал И. В. Сталину и в Совет Народных Комиссаров СССР записку, носившую такое название: «О наивыгоднейшем варианте Днепро-Двинского пути». В ней я писал: «Изучение материалов о водном пути между Черным и Балтийским морями, через соединение рек Днепра и Западной Двины, привело к выводам, имеющим, на мой взгляд, серьезное государственное значение. Эти выводы считаю своим долгом доложить Вам.

Березинский водный путь, включающий реку Березину, Березинский канал и реку Уллу, соединяющий Днепр и Западную Двину, начал сооружаться в 1797 году и был закон-

чен в 1804 году. Предназначался этот путь исключительно для сплава леса; для судоходства Березинская система была непригодна, более того, вследствие недостатка воды и заплывания каналов илом даже и сплав леса встречал большие затруднения. Поэтому система, несмотря на некоторые попытки восстановления, была постепенно заброшена и все сооружения пришли в негодность. У реки Березины очень низкие берега, небольшие радиусы закруглений, множество перекаатов и небольшие глубины. Достичь судоходных глубин (порядка 1,1–1,2 метра) повышением уровня воды путем водопуска нельзя, так как подъем уровня реки на 40–50 сантиметров выше нормального приводит к выходу воды из берегов и затоплению огромного количества земель...

Для восстановления системы требуется произвести огромные землечерпательные работы на всем протяжении Березины; в многочисленных местах срезать берега для увеличения радиусов закруглений, заново сделать все плотины и шлюзы на каналах, устроить в верховьях реки водохранилища для питания канала. Ориентировочные подсчеты показывают, что для производства этих работ потребуется сумма порядка 350–400 млн. рублей. После таких огромных работ и вложений возможно судоходство для судов в 150–200 тонн.

Ясно, что такой водный путь между Черным и Балтийским морями экономически и стратегически не отвечает требованиям государства.

После сооружения Днепро-Березинской системы даль-

нейшие исследования сосредоточились на выборе иного пути для соединения Днепра и Западной Двины.

Со времени Петра I появилось много проектов этого пути. Наиболее заслуживающим внимания следует считать сооружение канала Орша – Витебск с использованием рек Оршицы и Лучесы. Длина его около 80–90 километров. Объем земляных работ – 15–18 миллионов кубометров.

Для повышения уровня воды в верховьях Днепра, а также питания канала сооружаются Оршанское и Дорогобужское водохранилища. Для создания судоходного режима на Западной Двине у Витебска сооружается плотина, у Велижа – водохранилище.

Стоимость работ и сооружений по этому варианту, включая стоимость затопления, – около 550–650 миллионов, то есть это на 200–250 миллионов рублей дороже Березинского соединения.

Несмотря на такую высокую стоимость вообще и в частности, осуществление этого проекта отвечает государственным интересам. По этому пути из Черного в Балтийское море и обратно смогут двигаться суда длиной до 70–90 метров, тоннажем 600–850 тонн. В дальнейшем его можно будет сделать еще более глубоководным.

В свое время русский генеральный штаб, морское министерство и министерство путей сообщения выступали против восстановления Березинской системы и горячо поддерживали проект Оршанско-Витебского соединения.

Генеральный и морской штабы имели в виду, кроме всего прочего, использовать этот водный путь для переброски военных судов Черноморского флота в тыл неприятельским военно-морским силам, действующим против Петербурга, или, в случае нужды, для усиления Черноморского флота за счет Балтийского.

В самом деле, расчетные данные по проводке судов с большой осадкой и существующий в этом деле опыт представляют серьезный интерес. Линейный корабль с 9,5-метровой осадкой вместе с боевым снаряжением может передвигаться специальном доке с осадкой в 4,8 метра. Эта глубина шлюза может быть достигнута подъемом воды при нормальной глубине шлюза 3,7 метра...

Таким образом, при осуществлении Оршанско-Витебского соединения становится возможным переход из моря в море легких крейсеров, миноносцев и подводных лодок. Это огромное преимущество варианта.

Другое его преимущество в том, что параллельно со строительством водного пути разрешается энергетическая проблема. На плотине Оршанского водохранилища и у Витебска могут быть построены гидроэлектростанции на 25–30 тысяч киловатт каждая. Для Белоруссии это имеет огромное значение. Надо облегчить зависимость ее промышленности от торфа. В годы с дождливым летом торф убирать не успевают, электроэнергия недовырабатывается, промышленность простаивает. Кроме того, торф, как это ни странно на первый

взгляд, очень дорогое топливо. Условная тонна донецкого угля в котельной предприятия стоит 70–80 рублей, условная тонна торфа – 140–150 рублей.

Третье преимущество варианта состоит в том, что на магистральном водном пути будут лежать основные промышленные центры Белоруссии: Витебск, Орша, Могилев, Жлобин, Речица и даже Смоленск, так как Днепр становится судоходным до Смоленска, в то время как на Березине стоит один Борисов. Это важно не только для дальнейшего развития этих городов, но еще и потому, что водный путь будет иметь погрузочно-разгрузочные пункты, связанные с основными железнодорожными магистралями.

Строительство Оршанско-Витебского канала войдет в комплекс работ, связанных с проблемой Большого Днепра, и это имеет огромное значение. Так, например, устройство Дорогобужского и Оршанского водохранилищ, плотин и гидростанции у Орши запроектированы Укргидепом и являются частью основных мероприятий по увеличению баланса воды в Днепре.

Таким образом, наиболее отвечающим государственным интересам является вариант Оршанско-Витебского соединительного канала Черноморско-Балтийского водного пути.

Вношу предложение об образовании государственной комиссии для срочного рассмотрения этого вопроса и внесения предложений в правительство».

Записка была принята в ЦК и Правительстве благожела-

тельно. Никакой комиссии для подготовки вопроса не стали образовывать. Комиссии уже были и предложили они не лучший вариант.

Вопрос посчитали подготовленным и на той же неделе вышло постановление Правительства, которое так и называлось: «О наивыгоднейшем варианте Днепро-Двинского водного пути».

В работу был включен виднейший в СССР энергетик Жук. Он полностью одобрил высказанные положения с одним добавлением. В записке не учитывались работы на Двине в связи с ее порогами ниже Витебска. Это несколько удорожало путь, но не уменьшало его значения как наивыгоднейшего варианта.

Надвигающиеся события, а затем ситуация, сложившаяся после войны, сняли с повестки дня вопрос о сооружении этого пути.

На декаде в Москве

В 1940 году под Минском строилось искусственное озеро. Оно имело большое практическое значение, так как позволяло бы весной собирать и регулировать пропуск весенних вод, таким образом избегая затоплений низкой части города.

К этому озеру проявляли большой интерес минчане, особенно молодежь, так как купаться летом было негде. Многие учебные заведения, учреждения и предприятия после работы или в воскресенье выходили на строительство.

Проект озера, плотины и шлюза спроектировали инженеры Белгоспроекта на общественных началах. Работой руководил Минский горком КПБ во главе с его секретарем А. П. Матвеевым.

Строительство было несложным, шло успешно, и кто бы мог подумать, что вскоре оно получит всесоюзную известность, станет притчей во языцех и подвергнется обсуждению на Политбюро.

В 1940 году, во время декады белорусского искусства, после одного из спектаклей Белорусского оперного театра на сцене Большого театра, я сказал Сталину, что декада почему-то очень слабо освещается в газетах. Сталин тут же позвонил редактору «Правды» Ровинскому, сделал ему замечание и предложил освещать декаду так же, как и предыдущие, других республик. При этом он сказал, что вообще нельзя

допускать, чтобы возникали по этому поводу жалобы.

На другой день в «Правде» появилась обстоятельная статья о постановках белорусских театров в Москве. Однако рассердившийся на белорусов Ровинский решил «осветить» и другие вопросы, касающиеся нашей республики. В том же номере он поместил статью под заголовком «Плоды неумной фантазии», в которой подвергалось уничтожающей критике строительство Минского озера. Это была очень злая, исключительно тенденциозная статья, основанная на письме, поступившем в редакцию из Минска. Автор жаловался, что его привлекают к строительству озера как бы добровольно, но он считает, что имеет место принуждение со стороны общественных организаций. Строительство озера подавалось как ненужное дело, предполагалось, что после озера в Минске, наверное, начнут воздвигать искусственные горы, а потом сажать пальмы и т. д.

В тот же вечер после спектакля, во время ужина, Сталин спросил: «Что это за озеро вы там устраиваете, почему принуждаете народ ходить на работы и в выходные дни работать на этом озере?»

Я ответил, что озеро делается исключительно на добровольных началах и ни о каком принуждении не может быть и речи. На это Сталин заметил: «Это вам кажется, что все идет добровольно. Вы ведь читали, что пишут в «Правду» из Минска. Видно, вокруг озера создали такой накал, что и не пошел бы в выходной копать, отдохнул бы, да как бы чего

не вышло. Мы против привлечения трудящихся в выходные дни на всякие так называемые добровольные работы».

В это время Хрущев, обращаясь к Маленкову, но так, чтобы все слышали рассказал, как один киевский профессор жаловался ему на то, что когда он поехал в Минск в отпуск, то его и многих других пассажиров на Минском вокзале захватили и под конвоем отправили на это озеро, а отпустили оттуда только после того, как он проработал три дня. Он тотчас же уехал из Минска, боясь, чтобы его еще раз «добровольно» не отправили на озеро.

Сталин повернулся ко мне и говорит: «Вот, оказывается, до чего дело дошло, вам это известно или нет?»

Я сказал, что, очевидно, товарищ Хрущев шутит, хотя говорил он это с серьезным видом.

– Ну, а если это не шутка? – спросил Сталин.

– Тогда я попрошу назначить следствие, ибо здесь идет речь о преступлении, чем являлось бы устройство облав на вокзалах и, кроме того, я буду просить Хрущева назвать этого профессора, так как считаю это лучшим способом опровергнуть вымысел.

Обращаясь ко мне, Хрущев сказал на это: «Ну, что вы в бутылку лезете, ясно ведь, что я сказал это в шутку».

Сталин помолчал и рассудил: «Если это шутка, то уже легче, но шутка, я вам скажу, довольно неуместная».

Действительно, если кому и стало легче, так это мне. Я к этому времени уже знал, как строг был Сталин к разного

рода перегибам, если они затрагивали интересы целых групп населения.

Вопрос о злосчастном озере на этом не закончился, и эпилог был неожиданным. Сталин спросил: «Кто секретарь Минского обкома партии? Его нужно наказать. Вы сами куда смотрите? Почему ЦК Белоруссии не видит, что делается в столице? И потом, скажите мне, кому понадобилось это озеро и почему оно устраивается без санкции руководства республики?»

В связи с прямым вопросом представлялась возможность внести ясность во все это дело, и я доложил:

«Совнарком и ЦК Белоруссии не только знают о строительстве, но и санкционировали его, причем, не как «плод неумной фантазии», а как насущную необходимость, не говоря уже о его значении как места отдыха трудящихся.

Дело в том, что Минск пересекает небольшая река Свислочь. Она делит город на высокую и низкую части. Весной эта река становится полноводной и каждый год затопляет почти всю низкую часть города. Убытки исчисляются миллионами, население терпит большой ущерб, каждый год образуются комиссии по борьбе с наводнением и его последствиями. А летом эту речку можно перейти вброд. Умные люди предложили: чтобы избежать наводнений, надо устроить перед городом водохранилище, чтобы можно было регулировать спуск весенних вод.

Эта мысль оказалась весьма практичной и потому, что ре-

ка под самым городом протекает по длинной и широкой ложбине и для образования водохранилища необходимы только плотина и шлюз. Никаких земляных работ по образованию озера не требуется, выражение «копают озеро» не отвечает действительности. Земляные работы связаны только с устройством плотины и приведением в культурный вид берегов.

Естественно, возможность купаться и отдыхать у озера — дополнительный мотив для его устройства. Оттого и приветствует это строительство молодежь. Она, главным образом, и работает в свободное время по 3—4 часа в неделю. Странно, что, не попытавшись разобраться, «Правда» публикует статью, наполненную всякой чушью об «альпах», «пальмах» и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.